

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

«ЧИТАТЕЛЯ НАЙДУ В ПОТОМСТВЕ Я»

«Оттого, чтобы дослышать все оттенки Лиры Баратынского,— заметил И. В. Киреевский, — надобно иметь и тоньше слух и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, незаметного с первого взгляда, — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого»¹. Так критик откликнулся на несколько стихотворений Е. А. Баратынского, помещенных в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы на 1829 год». Среди них был и цикл «Антологические стихотворения», состоявший из пяти миниатюр:

«Как ревностно ты сам себя дурачишь...»

«Старательно мы наблюдаем свет...»

«Мой дар убог и голос мой не громок...»

«Глупцы не чужды вдохновенья...»

«Не подражай: своеобразен гений...»

Может быть, самым странным в этом цикле было его название. Антологическими (греч. *anthologia*, букв. «собрание цветов») в то время назывались лишь стихи, ориентированные на античные образцы. В данном же случае непосредственных откликов на античные мотивы в стихотворениях Баратынского обнаружить нельзя. Вспомним, однако, что антологическое оценивалось тогда в качестве незыблемой, вечной меры искусства. Речь же у Баратынского идет о тайнах и назначении поэтического ремесла,

---

¹ Денница. 1830. С. LIV.

хотя тема эта развивается, в основном, от противного. Короткие, замкнутые афористическими строками стихотворения обретают одновременно и притчевый, и эпиграмматический (иногда даже автоэпиграмматический) оттенки. Своеобразие такого рода стихотворений было превосходно уловлено А. С. Пушкиным, который писал:

Эпиграмма, определенная законодателем фр. (анцузской) пиитики *Un bon mot de deux rimes orné*² скоро стареет и живет действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении. — Напротив, в эпиграмме Баратынского, менее тесно (и), сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства (XI, 186).

Важно подчеркнуть, что при чтении стихотворений Баратынского от читателя требуется определенное усилие, активное желание понять мысль поэта, которая выражается, как правило, лишь намеком — причем парадоксального свойства.

Таково, например, второе стихотворение цикла:

Старательно мы наблюдаем свет,
 Старательно людей мы наблюдаем
 И чудеса постигнуть уповаем:
 Какой же плод науки долгих лет?
 Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
 Что, наконец, поймет надменный ум
 На высоте всех опытов и дум,
 Что? точный смысл народной поговорки³.

Семь первых строк, устремляющихся ввысь, подводят к недоуменному, неожиданному обрыву последней строки. И только поняв «*точный смысл* (курсив мой. — С. Ф.) народной поговорки», мы в полной мере сможем оценить всю глу-

² Слово, украшенное двумя рифмами (фр.)

³ *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 145.

бину выраженного здесь разочарования. Какую именно поговорку имеет в виду поэт? По-видимому, вот эту: «Век живи, век учись, а дураком помрешь». Но снова прочитаю — уже под этим углом зрения — стихотворение, мы обнаружим в нем и более глубокое, так и не разрешенное до конца недоумение, завещанное нам. В самом деле, почему оказалось тщетным парение духа? От недостатка ума человеческого? А может быть, от изначальной бессмысленности мира, как о том сказано в Книге Екклезиаста:

...и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа! (Еккл 13—15)

Если верно первое допущение (а *точный смысл* народной поговорки вроде бы предполагает именно его), значит, есть в стихотворении некий трансцендентальный оптимизм, а не только вкус горечи от плода познания.

Автоэпиграмма оборачивается философским эссе.

Эти предварительные наблюдения над поэтикой Баратынского важны для того, чтобы с должным вниманием прочитать центральное стихотворение цикла:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я⁴.

Тематически строки эти совершенно определенно перекликаются с концовкой второй главы «Евгения Онегина», вышедшей в свет в конце 1826 года:

---

⁴ Там же. С. 128.

...Без неприметного следа
 Мне было б грустно мир оставить.
 Живу, пишу не для похвал;
 Но я бы кажется желал
 Печальный жребий свой прославить,
 Чтоб обо мне, как верный друг,
 Напомнил хоть единый звук.
 И чье-нибудь он сердце тронет;
 И сохраненная судьбой,
 Быть может в Лете не потонет
 Строфа слогаемая мной;
 Быть может (лестная надежда!)
 Укажет будущий невежда
 На мой прославленный портрет
 И молвит: то-то был Поэт!
 Прими ж мои благодаренья
 Поклонник милых Аонид,
 О ты, чья память сохранит
 Мои летучие творенья;
 Чья благосклонная рука
 Потреплет лавры старика! (VI, 49)

Но как непохоже та же тема развита Баратынским, отрекшимся от «школы гармонической точности»! На первый взгляд, у него — смиренные, даже самоуничижительные строки. Но это лишь начальное, хотя, несомненно, и сознательно спровоцированное поэтом впечатление. Стихотворение нужно хотя бы правильно прочесть — и тогда своеобразным сигналом его тона станет старославянская форма окончания одного из слов второй строки: не *на земле*, а *на земли*⁵.

А как читать рифмующееся слово второй строки? На письме здесь «мое», но последняя буква может читаться

---

⁵ Ср. у Н. В. Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть *на земли* (...)» (Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1959. С. 260).

двойко: как *e* и как *ë*. По инерции обыденной первой строки обычно и вторую произносят: «Но я живу, и на земли моё», — пренебрегая окончанием предыдущего слова. И получается невозможная для стиха Баратынского стилистическая какофония. Нет, у него — коли «на земли», так непременно «мое», то есть опять же архаическая (а стало быть, отнюдь не обыденная) форма слова, требующая соответствующей рифмы в третьей строке: «бытие» (а ни в коем случае не «бытиё», житьё-бытьё).

Вообще пристрастие Баратынского к рифме с огласовой на архаическое *e* вполне очевидно:

Так ярый ток, оледенев,
 Над бездною висит,
 Утратив прежний грозный рев,
 Храня движенья вид⁶.
 Плод яблони со древа упадает:
 Закон небес постигнул человек!
 Так в дикий смысл порока посвящает
 Нас иногда один его намек⁷.

А теперь вновь, уже правильно перечтем первое трехстишие:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
 Но я живу, и на земли *мое*
 Кому-нибудь любезно бытие (...)

Не правда ли, в такой огласовке строки звучат вовсе не смиренно, а с большим достоинством? И обнаруживается попутно, что и другие слова, которые могли показаться вполне заурядными, обнажают семантическую глубину. «Убог» — ведь это не только «скуден», «беден», но и «у Бога» (приближенный, отнесенный к Богу)⁸.

⁶ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. С. 76.

⁷ Там же. С. 301.

⁸ Ср. у Даля: «Беден бес (у него Бога нет), а человек убог; Просит убогий, а подает Бог» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. СПб., 1882. С. 458).

Столь же неоднозначно оказывается и заключающее первую строфу слово. «Не громок» — это же не просто «тих». *Не* здесь не только отрицание, а род приставки, близкой по значению к *без-*, отчетливо акцентирующей, в свою очередь, семантику корня слова. «Не громок» — «без грома», «не грозный», «доброжелательный». «У Баратынского,— отмечает Ю. Ивасик, — вообще очень много таких выражений: отрицательных по форме, но не всегда по смыслу: *необщее выражение* (у Музы), *незаходимый день* (рай), *неосязаемые власти* (в царстве теней), *нечуждая жизнь* (в пустыне), *нежданнный сын* последних сил природы (поэт), творец *непервых сил* (посредственный литератор), благодать *нерусского надзора* (иностранных гувернеров), храни свое *неопасенье*, свою *неопытность лелей* (стихи, посвященные “монастырке” Смольного института). Эти необычные *не* заостряют его философическую поэзию»⁹.

Осмысленность, как бы подчеркнутость почти каждого слова в стихе обусловлена ритмически. «Стих, — указывал Б. В. Томашевский, — так сказать, обогащает речь новыми знаками препинания, так как он членит речь ритмически, и это дает возможность оживлять те формы интонации, которые малодоступны прозе»¹⁰.

Как правило, под логическим ударением оказывается слово, оканчивающее строку, тем более, если здесь имеется перенос (enjambement) : «⟨...⟩ мое / Кому-нибудь любезно бытие ⟨...⟩». В этом же стихотворении Баратынского, написанном пятистопным ямбом, необходимо также учитывать цезуру после второй стопы («Кому-нибудь / любезно бытие»). Строфически стихотворение состоит из двух четверостиший с опоясывающей (кольцевой) рифмовкой, но и здесь имеется своеобразный строфический «перенос»: фактически первые три строки включают в себе законченную мысль, как и три следующих:

⁹ Цит. по кн.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 22.

¹⁰ *Томашевский Б. В.* Стих и язык. Филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 166.

Его найдет / далекий мой потомок
В моих стихах; / как знать? душа моя
Окажется / с душой его в сношеньи (...).

Если в первом трехстишии утверждалось сиюминутное, сущее, то теперь взгляд поэта переносится в будущее. И подобно тому, как там акцентировалось последнее слово, неожиданно высокое, — *бытие*, теперь столь же весомым оказывается слово *сношенье*. Оно — из непозитического, даже канцелярского лексикона, имеющее, однако, специфическое значение, в высшей степени важное для Баратынского:

*Сноситься с кем, сообщаться, переговариваться через кого, переписываться. По службе, старший предписывает, младший доносит, равный сносится, относится*¹¹.

Все второе трехстишие само по себе состоит из нерифмующихся строк; оно связано с предыдущим первой строкой (*не зримок — потомок*), но открыто для решающего аргумента, последнего доказательства, которое по закону стиха должно уравновесить рифмами две последние строки.

И этот вывод венчает все стихотворение, построенное по правилу силлогизма (тезис — антитезис — синтез):

И как нашел / я друга в поколеньи,
Читателя / найду в потомстве я.

Рационализм — сознательная установка поздней поэзии Баратынского, который считал:

Истинные поэты потому именно редки, что им должно обладать в то же время свойствами, совершенно противоречащими друг другу: пламенем воображения творческого и холодом ума поверяющего. Что касается до слога, надобно помнить, что мы для того пишем, чтобы передавать друг другу свои мысли; если мы выражаемся неточно, нас понимают ошибочно или вовсе не понимают: для чего ж писать?¹²

¹¹ *Даль В. И.* Словарь. Т. 4. С. 248.

¹² *Баратынский Е. А.* Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., 1951. С. 425.

В самом деле, стихотворение написано логически стройно. А как насчет «пламени воображения творческого»? Но разве, прочитав осмысленно стихотворение Баратынского, мы не почувствовали высокое достоинство и взыскательную доверчивость, с которыми оно обращено не просто к читателю, но к читателю-другу? Подобному А. А. Дельвигу, в чьем альманахе «Северные цветы» было напечатано впервые это стихотворение. К нему же обращены были юношеские строки Баратынского:

Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
 Боролся я, почти лишенный сил?
 Я погибал — ты дух мой оживил
 Надеждою возвышенной и новой.
 Ты ввел меня в семейство добрых Муз...¹³

Вот какого читателя предчувствует в потомстве Баратынский. «Хотел бы я знать, — откликнется век спустя О. Мандельштам, — кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Баратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени. (...) Скучно перешептываться с соседом. Бесконечно нудно буравить собственную душу. Но обменяться сигналами с Марсом — задача, достойная лирики, уважающей собеседника и сознающей свою беспричинную правоту. Эти два превосходных качества поэзии тесно связаны с «огромного размера дистанцией», «какая предполагается между нами и неизвестным другом — собеседником»¹⁴.

«Антологические стихотворения», появившиеся впервые в «Северных цветах», в издании произведений Е. А. Баратынского 1835 года, были разобщены. Но в цикле этом была предугадана его последняя книга «Сумерки» (1842), повествующая о трагической судьбе поэта «железного века».

¹³ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. С. 90.

¹⁴ Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 50, 54.